

**Труды С.В. Никольского о Я. Гашеке и
особенности чешской ментальности**

В наши дни, когда манипулирования угрозой войны доходят до трагического комизма, как ни в какое другое время нужно повторить юмористические «похвалы Глупости», которыми насыщен роман о Йозефе Швейке. Ибо, по его мнению, не всякий смех сдерживает угрозы войны, а лишь тот, который, будучи пронизанным тревогой, все же взывает к самым основам человечности. Работы С.В. Никольского о творчестве Я. Гашека позволяют воспроизвести в новых условиях целительный потенциал юмора именно такого уровня – некой яркой черты чешской ментальности в целом¹. Только человек поистине широкого ума и богатого сердца мог вместить в себя чувство юмора по отношению к трагическим превратностям войны. Таким был чешский писатель, участник Первой мировой войны Ярослав Гашек. Таким был и Сергей Васильевич Никольский – отечественный исследователь его творчества, знавший некоторые обстоятельства и его жизни, и жизни прототипа его знаменитого романа лучше самих чехов.

Надо сказать, что С.В. Никольский приступил к изучению творчества Я. Гашека и К. Чапека не в самые простые времена: первого чешского автора критиковали за «легкомысленное»

¹ *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.

отношение к империалистической войне, второго – за дружбу с Т.Г. Масариком. Сам выбор этих тем говорит о смелости ученого; в этом плане он – своеобразный наставник и для чешских исследователей, вплоть до Пражской весны стремившихся выглядеть более серьезными, чем их наставники из Москвы. Сергей Васильевич оперировал афоризмом Чапека: «Юмор – это всегда немножко защита от судьбы». Такое понимание было присуще и самому Никольскому. При этом если Гашек обличал прошедшую войну, то Чапек – еще не наступившую.

После разработок С.В. Никольского термин «швейковщина» потерял многие негативные коннотации, напрямую же применять его с этими коннотациями к характеристикам особенностей чешской ментальности, включая политический менталитет, становится затруднительно. Слишком ярко и убедительно были выявлены контуры фигуры Йозефа Швейка в новаторской не только для отечественного, но и чешского гашековедения работе.

В новейших исследованиях под менталитетом принято понимать то, что «выражается в национальном языке, проявляется в идентичности, соединенности устойчивых когнитивных особенностей и веры, образе мышления, своеобразной системе образов, представлений и умонастроений»². Аналитический инструментарий в ходе ментальных исследований позволяет четче

² *Ракитянский Н.М.* Ментальные исследования глобальных политических миров. М., 2020. С. 73.

идентифицировать параметры и чешской ментальности, а также провести ее сопоставление с другими. Нужно учитывать, что менталитет накладывает отпечаток на строй разума и проявления чувств, формирует и демонстрируемые качества, и бессознательные установки своих носителей. «Практически каждый носитель таким образом проявляемого менталитета – член узнаваемого общества-политей с присущими ему языком и традициями, культурой и ценностями»³. Он маркирует культурные и поведенческие коды этносов, их культурное разнообразие.

Сам Никольский прибегал к этому термину. Так, в книге о К. Чапеке и М. Булгакове он пишет о способности почти современника Гашека усваивать национальные образы мира и о его увлечении «моделированием менталитета разных народов»⁴. В частности, Чапек моделировал отношение разных государств к саламандрам с учетом их ментальности.

Выявление сущностных особенностей и связанных с ними поведенческих паттернов Гашеком в этом плане – высшее свидетельство его художественного дара и аналитических способностей. Как раз на это и указывает Никольский в своей книге и в ряде других работ по гашековедению.

³ *Задорожник Э.Г.* О новом подходе к изучению политического менталитета профессора И.М. Ракитянского // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 102.

⁴ *Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов). М., 2009. С. 23.

Ключевым качеством чешской ментальности можно считать осмотрительность. Данный концепт используется в ряде моих исследований по истории Чехии⁵. В данном тексте поставлена задача выявления своеобразного преломления указанного качества в фигуре главного героя романа Гашека. В этом ракурсе книга С.В. Никольского, которого у нас есть все основания назвать классиком гашековедения, причем не только отечественного, выступает ничем не заменимым источником.

А главное – С.В. Никольский доказал ту истину, что рецепция чешской ментальности до и после романа Гашека – это, как говорят в духе его юмора, «две большие разницы». При этом новые характеристики приобретает все та же чешская осмотрительность как его ключевая черта – в ее рамках проглядываются и самокритические нотки, связанные с юмористическим отношением к устоявшимся нормам. Эти нормы чаще навязывались – и навязываются – чешскому этносу извне, и если относиться к ним без критически юмористического взгляда, то они могут деформировать параметры чешской ментальности. Отсюда и трагическая составляющая той самой осмотрительности, желание найти

⁵ *Задорожник Э.Г.* Четверть века политической истории Чехии: стабильность через «осмотрительную» нанополитику [Электронный ресурс] // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 3 (23). С. 81–95. URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/1a3/3_2020_1_81_95.pdf (дата обращения: 02.10.2022); Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX – начало XXI в. М.–СПб., 2020. С. 338–388.

окончательную защиту и – если обращаться к глубинной памяти народа – невозможность это реализовать; отсюда и претензии на носительство неких высоких идеалов, не всегда обосновываемые, а потому часто комичные до горьких слез.

С.В. Никольский акцентировал внимание на том, что юмористический настрой в мировосприятии и Гашека, и Швейка – лишь некая ширма, скрывающая за собой трагизм жизни народа, особенно в условиях ненужной ему войны. О трагической составляющей романа, да и самого образа Швейка, писали, в частности, в своих трудах отечественный исследователь С.Я. Востокова⁶, установившая, что на смену «маленькому человеку» как жертве пришел маленький человек-победитель при любых обстоятельствах с опорой на народный характер, украинский автор В. Шевчук⁷ и другие исследователи, в том числе многие чехи, начиная с И. Ольбрахта. Так, Никольский правомерно утверждал, что Гашеку удавалось преодолевать абсурд через игру в него, расправляясь с трагическими обстоятельствами войны, как будто «с пьяной канителью в жижковской корчме». Трагической была ситуация прервавшегося на столетие (с 1815 по 1914 г.) мира в мире. Двойной трагизм Швейка можно выразить формулой: иронизируй, но подчиняйся, и это так или иначе просматривается в интерпретации данного образа С.В. Никольским.

В частности, это наблюдается в его суждениях о том, что романтизм Гашека в его сатире преобразился в трагизм человеческого

⁶ *Востокова С.Я.* Ярослав Гашек. Биографический очерк. М., 1964.

⁷ *Шевчук В.Я.* Гашек. Киев, 1965.

существования, а герой его романа Йозеф Швейк осознавал это через параллели к любой ситуации через ее удвоение. Знаменательно свидетельство первой жены Гашека Ярмилы (1887-1931) от 1930 г.: «Я знала только, что юмор его вызрел в страданиях, что за Швейка своего он заплатил восемью годами жизни»⁸.

Швейк правомерно демонстрирует: если у войны столько последствий, то как воевать и зачем? Кого защищать – престарелого императора или подпоручика Дуба, и какой ценой? Эти вопросы инвариантны по отношению к любой войне, и особенно мировой, поэтому Швейк и узнаваем любим народом. Сам Никольский неоднократно писал, в том числе в начале книги⁹, об изображении земного шара, поддерживаемого плечами Дон Кихота, Гамлета и Швейка, причем на последнего ложится едва ли не наибольшая часть ноши: без идеализма первого и раздумий второго выжить хоть как-то можно, а вот без юмора третьего никак нельзя.

Как раз поэтому И. Ольбрахт еще в 1920 г. отмечал, что слово «швейковщина» становится столь же узнаваемым как «донкихотство», «гамлетовщина» и «обломовщина». Немецкий драматург Б. Брехт писал практически об этом же, считая роман Гашека одной из трех книг, наиболее полно представляющих человека.

⁸ *Вербин Е.* Чехия, которую вы не знаете... [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова URL: http://lit.lib.ru/w/werbin_b_e/text_0020.shtml (дата обращения: 02.10.2022).

⁹ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 7.

Российский юморист Л. Ленч уподоблял Швейка Давиду, поразившему пращой смеха беспощадного воина Голиафа.

Мало кто сомневается в том, что для уяснения особенностей чешской ментальности фигура Йозефа Швейка играет немалую роль. Можно даже предположить: до романа Гашека соответствующие представления об этом феномене были одни, а после стали другими. Не помогло и то, что чехи и словаки смело сражались на фронтах Первой мировой войны против Австро-Венгрии, добились самостоятельности, а их государство вошло в десятку наиболее развитых стран мира. Конечно, задачу анализа этого сдвига ментальности Никольский напрямую не декларировал, но он в немалой степени решил ее в своей книге – классике того, что можно назвать гашековедением (это же относится и к его трудам по чапековедению).

С.В. Никольский предельно глубоко проработал тему «Гашек и Россия», приведя свидетельства, что писатель считал себя рыцарем Ричардом Львиное Сердце и поклонялся идеалам безвластия М. Бакунина, с которым лично был знаком его дед. Сам он часто говорил: «Мы хотим жить по-русски»¹⁰. Это желание можно выводить из его глубинных связей с русской литературой, причем пока в полной мере не отрефлексированных. Например, Гашек утверждал: каждый социал-демократический лидер «в борьбе за права трудящихся трогательно тучнеет». Это – в духе

¹⁰ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 18-19.

М. Салтыкова-Щедрина, влияние которого на сатиру Гашека и даже на юмор псевдонаивного Швейка явно недооценено.

Не имеющим прецедентов является открытие С.В. Никольским документальных свидетельств о реальном Йозефе Швейке, воевавшем вместе с Гашеком. В книге отмечено: ходили слухи, что именно Швейк спас Гашека от угрозы ареста¹¹. Правда или неправда, но Швейк как герой романа вывел жизнь Гашека на недостижимые вершины, поместив его фигуру в ряд величайших писателей всех времен и народов. Его адрес Никольский обнаружил в Военно-историческом архиве в Праге; он прошел по следам Гашека в Сибири, установил имена людей, которые жили и действовали рядом с ним. И сложилось так, что в выделенных трех стадиях формирования образа Швейка – 1911-1917, 1917-1921, 1921 – фигурально выражаясь, рассказчика, активной личности, мыслителя, средняя из них пришлась на преобразующуюся Россию.

В книге Никольского приводятся доселе малоизвестные свидетельства о том, что обычно веселый Гашек в Иркутске был нахмуренным, ибо ему надо было ехать в Чехословакию. Тем более что шли разговоры о его возможном китайском анабазисе, особенно если учитывать значительное число бойцов-китайцев в Красной армии¹². При этом, согласно Никольскому, Гашек знал немало китайских иероглифов и слов на китайском языке. Однако

¹¹ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 80.

¹² Там же. С. 133, 140.

же этого не случилось, и одного из самых жизнерадостных писателей ждала смерть уже после окончания Первой мировой войны, в 1923 г., в небольшом заброшенном чешском селении Липнице. Гашек, прибыв на родину, столкнулся не столько с ненавистью, сколько с «вялой мещанской психологией». И в этих условиях он выбрал установку: «Покажу, что такое наш (чешский) характер и на что он способен» (приведенное Никольским свидетельство его жены Шуры)¹³.

Лучшие носители этого характера (ментальности) победили в противостоянии Австро-Венгрии и милитаризму. И в противостоянии этому проявилась вся сила этого характера с его склонностью к юмору с оттенками трагизма. Лучшие черты этой ментальности с учетом ее ключевой характеристики – осмотрительности – и выявил журналист и писатель, которому был предначертан век поэта – Гашек не дожил до 40 лет, а Швейка диктовал за 4 дня до смерти. Трагизм его судьбы заключался и в том, что он – коммунист российского разлива – не был принят не только мещанами и властной элитой Чехословакии, но и местными левыми социал-демократами. Трагично и само призвание создавать юмористические образы в столь тяжелые времена... Но сила духа Гашека превозмогла многое. Ее обрисовал С.В. Никольский в своей книге и в других работах о классике чешской и мировой литературы.

¹³ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 146.

Конечно, Гашека окружали представители чешского народа с присущей им ментальностью и в Липницах – месте его не столько успокоения, сколько упокоения. Однако следившие за ним осведомители переходили все границы, докладывая, что его здоровье «отрадно ухудшается»¹⁴. И это тоже отсвечивается в трагизме судьбы писателя, а также в его жизнерадостном герое. Вот так правящие круги новой страны привечали своего гения, который обладал силой противостояния им, присущей и Швейку, отнюдь не манифестируя себя как Наполеона и даже Герострата. Как указано в предисловии к роману: это «тихий, скромный человек в поношенной одежде, <...> имя которого еще во времена Австро-Венгрии не сходило с уст всех граждан чешского королевства и слава которого не померкнет и в республике». Ирония иронией, но слава его не меркнет не только в республике, но и во всем мире (роман переведен на более чем 60 языков). Есть перевод П.Г. Богатырева, наставника самого Никольского, украинскому же переводчику С. Масляку, также проживавшему в Чехословакии, особенно удался перевод стихов из романа. Гашековедение – есть такое слово в Википедии, а под ним десятки интересных текстов – свидетельствует об этом со всей определенностью.

¹⁴ *Никольский С.В.* История образа Швейка. С. 147.